

Мы сидели на открытой веранде кафе и предавались воспоминаниям. Все располагало к такому занятию — теплый осенний вечер, тихий парк, еле слышная музыка, доносившаяся из невидимого за деревьями репродуктора. Перебирали в памяти студенческую жизнь, однокашников, увлечения, романы.

— Недавно вспомнил Олю Тихомирову. Ты помнишь ее? Она пришла в нашу группу на 2-м курсе после академотпуска по болезни. Провинциалочка. Из Великих Луг. Ты слышал про такой городок? Я нет. Тихая, скромная. Коса на голове колечком.

— Помню, конечно. Не похожа была на наших девчонок. Отличница, зубрилка. Всегда все знала. Шла на красный диплом. Всей группой за нее переживали. Схватила трояк на гигиене... Не получила.

— Для нее это был удар. Мама с папой учителя. Золотая медаль. Гордость семьи... И синенький диплом врача, без триумфального возвращения в родительский дом.

— Она считала себя дурнушкой. Это по всему было видно. Не кокетничала, глазки не строила. Серая мышь, одним ловом. Но что-то в ней было привлекательным. Сейчас, как пожившие мужчины, мы с тобой можем сказать, что в женственности, самом ценном, на мой взгляд, в женщине, ей было не отказать.

— Мне кажется, у тебя с ней был роман.

— Так, ничего особенного. Встречались. Уж очень скромная была. Недотрога. Первый поцелуй восприняла как событие чрезвычайной важности. С испугом. На выпускном вечере обещался звонить. Так и не позвонил, не до того было. Женился. И она не позвонила.

Мы пили пиво и медленно вели этот разговор. Наверное, теплый осенний вечер и тихая музыка располагали к воспоминаниям. За плечами у нас было полсотни лет после института, и прошлое, пережитое вместе в далекой молодости, казалось романтическим и было нам обоим дорого.

— На 25 лет мы собрались у Алины Матвеевко. Приехали Сашка Тарасов из Рыбинска, Игорь Фомин. После института пошел в военные. Толя Нейман с Томкой, они поженились на шестом курсе. И Оля Тихомирова была. Тютюля наша. Кто ее так прозвал, не помню, кажется, Сашка Тарасов, балагур и выдумщик всяких прозвищ. Уж очень она скромная и тихая была. Ты не приехал.

— Не помню почему.

— Мне показалось, что она расстроилась, что тебя нет.

— Она позвонила мне от Алины. Спросила, почему не пришел. Все расспрашивала, как живу, чем занимаюсь. В ее голосе и интонации была твердость, уверенность в себе, чего раньше за ней не замечал. Не робкая застенчивая Тютюля с тихим голосом, какой была в те годы, а зрелая женщина.

— Ты правильно заметил. Она рассказала в тот раз, что распределилась в маленький городок, в участковую больницу. Работа та еще была! Приходилось обслуживать всю округу, все деревни и деревеньки вокруг. Ты можешь себе представить Тютюлю верхом на лошади?! Скакала по деревням. Сама запрягала лошадь в телегу. Операции кое-какие делала сама. Лечила, как говорят, и старая, и младая. Сделали

главврачом. Депутатом у себя в городке стала. Кто бы мог подумать такое про нашу Тютюлю. Вышла замуж за тракториста... нет, комбайнера, Героя Труда. Родила пятерых детей. Вот так... А ты с красным дипломом всю жизнь проработал в поликлинике, рецепты, да бюллетени выписывал. Ладно, не обижайся. Я тоже мало чего достиг.

Темнело. Становилось прохладно. Допили свой кофе.

Идя домой, вспомнил, как недавно на 50 лет окончания института собрались у Алины. Меня никто не узнал, так изменился. Я тоже не всех узнал. С Юлей Дюковой встретились у подъезда Алинина дома. Стоит полная седовласая женщина. В домофон говорю — это я, называюсь. В лифте поднимаемся и вместе подходим к одной и той же двери. Только в квартире узнаем друг друга.

Все уже в сборе. Расселись за столом. Стол накрывали вскладчину, каждый принес, что Алина просила — вино, закуски, сладкое. Начинаем узнавать друг друга. Пятьдесят лет прошло. Кто-то уже лысый, кто-то бороду, как я, отрастил. Умерла Аллочка Родэ, умер Витка Плющев. Помянули. Потом стали говорить о себе. Сашка Тарасов, наш балагур и душа компании, стал главным врачом больницы у себя в Рыбинске. Теперь на пенсии. Игорь Фомин дослужился до полковника медицинской службы. Толстый, веснушки на лице как были, так и остались. Нейманы поработали за границей и приобрели машину. Всегда хотели красиво жить.

Рядом с ними сидела женщина наших лет, которую не сразу узнал. Щеки иссечены мелкими морщинами, как бы обветренное, смуглое лицо. Короткая стрижка сидящих волос. Она часто посматривала в мою сторону, как бы приглашая меня узнать ее. Смотреть пристально через стол было неловко. Время от времени посматривал на нее, все больше угадывая, что это она, Тютюля. Она тоже рассказывала о себе, что я уже знал от приятеля, с которым только что сидел в кафе. Уже дважды бабушка. Заслуженным врачом стала.

Сидели долго. Рассматривали фотографии студенческих лет, теперешних, которые захватили с собой, своих детей и внуков. Даже пели давнишние песни, которые теперь уже не поют.

Стали собираться. Сашка Тарасов и Игорь Фомин заночуют у Алины, завтра уедут к себе. В тесной прихожей столпились, стали прощаться.

Тютюля порывисто подошла. Обняла, на секунду прильнула ко мне и отошла, отвернувшись.

Все понимали, что в будущем таких встреч уже не будет. Некому будет встречаться.